

СЕМИОСФЕРА КАК ПОКАЗАТЕЛЬ АНТРОПО-СОЦИО-КУЛЬТУРОГЕНЕЗА: ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

¹Г.Б. Мулдашева*, ²Н.С. Тлеуханов, ³Ш.Е. Катчекова, ⁴Ю.В. Пак

^{1,2,3,4}Западно-Казахстанский университет имени М.Утемисова, (Уральск, Казахстан)

¹kabgulu-65@mail.ru, ²nurzhan.tleuhan@mail.ru, ³synarkatcekova@gmail.com,

⁴potok_88@mail.ru

¹G. Muldasheva*, ²N. Tleukhanov, ³Sh.E. Katchekova, ⁴Y.V. Pak

^{1,2,3,4}M.Utemissov West Kazakhstan University (Uralsk, Kazakhstan)

¹kabgulu-65@mail.ru, ²nurzhan.tleuhan@mail.ru, ³synarkatcekova@gmail.com,

⁴potok_88@mail.ru

Ссылка: Г.Б. Мулдашева, Н.С. Тлеуханов, Ш.Е. Катчекова, Ю.В. Пак. Семиосфера как показатель антропо-социо-культурогенеза: философский анализ // *Эл-Фараби*. – 2026. – Т. 24. № 1(93). – С. 143-155.

Аннотация. В статье прослеживается процесс генезиса и эволюции семиотических средств культуры в своей совокупности образующих особое измерение культуры – семиосферу. Показано, что возникновение системы знаковых средств культуры оказалось возможным благодаря переходу пред-человека к собственно человеческому, а именно деятельностному способу своего бытия, приведшему к образованию культуры и социальности. Отмечено, что в условиях бродячего образа жизни знаковая деятельность была весьма ограниченной и стала стремительно развиваться и совершенствоваться лишь с переходом на оседлый образ жизни. Показано, что по мере развития и совершенствования предметной деятельности и общественных отношений развивается и совершенствуется не только сознание, но и язык и другие семиотические средства. Сами сознание и язык в статье понимаются как социокультурные феномены, порождаемые деятельностью. Тем самым развитие деятельности, общения и знаковых средств культуры истолковываются не как самостоятельные процессы, а лишь как стороны, аспекты единого процесса антропо-социо-культурогенеза.

Ключевые слова: человек, животное, культура, деятельность, знак, язык, сознание, семиозис.

Введение

История человеческой культуры продолжает оставаться предметом междисциплинарного анализа, объединяющего философию культуры, культурологию, историческую науку, семиотику, антропологию и когнитивные исследования.

* Автор-корреспондент: Г.Б. Мулдашева, kabgulu-65@mail.ru

В центре современных теоретических дискуссий находится проблема генезиса, онтологического статуса и модусов функционирования знаковых средств культуры как специфического механизма производства, трансляции и институционализации социального опыта.

Несмотря на значительный массив накопленных эмпирических данных, и разработанных концептуальных моделей, интерпретации происхождения и сущности знаковых форм остаются во многом полемичными. Ряд положений приобрёл статус относительно устойчивых теоретических конструктов, однако существенный круг вопросов - прежде всего связанных с механизмами становления знаковых систем, их соотношением с практикой и сознанием, а также с исторической динамикой их трансформаций - продолжает сохранять дискуссионный характер.

Любая культура как исторически конкретная форма организации и трансляции социального опыта немислима вне присущих ей семиотических (знаковых) средств. Знаковые системы обеспечивают фиксацию, хранение, интерпретацию и воспроизводство смыслов, тем самым выступая структурным основанием культурной целостности. В этой связи одной из фундаментальных проблем семиотики культуры является проблема генезиса и исторической эволюции знаковых средств - их возникновения, институционализации и усложнения в процессе развития человеческих сообществ. Именно данная проблематика составляет предмет настоящего исследования.

В методологическом отношении мы исходим из положения о принципиальном единстве антропогенеза, социогенеза и культурогенеза, рассматривая их как различные аналитические проекции единого исторического процесса становления человека как биосоциального и символического существа. В этом контексте указанный процесс может быть интерпретирован одновременно и как процесс семиогенеза - становления семиозиса как специфически человеческой формы деятельности, связанной с производством, интерпретацией и циркуляцией знаков.

Семиозис в данном понимании выступает не производным, а конститутивным механизмом культуры, поскольку именно в нём формируется и развивается комплекс семиотических средств, обеспечивающих целостность культурного пространства. Этот комплекс был концептуализирован Ю.М. Лотманом в категории «семиосферы» - целостной семиотической среды, внутри которой возможны процессы смыслопорождения и коммуникации.

Следовательно, анализ генезиса семиотических средств культуры требует обращения к ранним этапам человеческой истории с целью выявления тех антропологических, социальных и деятельностных предпосылок, в рамках которых складываются первичные формы семиозиса и формируется основание будущей семиосферы. Именно реконструкция этих исходных условий и составляет одну из ключевых задач данной работы.

Методология исследования

В ходе исследования использован комплекс традиционных методологических средств, адаптированных к задачам философско-культурологического

анализа. В качестве базового теоретико-методологического основания избран принцип предметной деятельности, рассматривающий деятельность как системообразующий фактор антропо социокультурного становления.

Принцип предметной деятельности позволяет выявить структурные условия возникновения символического опосредования: в процессе преобразования внешней среды формируются устойчивые способы действия, требующие закрепления, передачи и интериоризации, что, в свою очередь, создает предпосылки для становления знаковых форм как средств регуляции и координации коллективной активности.

Соотнесение реального и идеального делает возможным рассмотрение знака как медиативной структуры, соединяющей материальную предметность и смысловую репрезентацию. Знаковая система определяется как специфический уровень культурной организации, в котором осуществляется преобразование предметно-практического опыта в символически оформленные структуры, обеспечивающие воспроизводство и историческую преемственность социокультурного бытия.

Семиозис как специфическая культурная деятельность

Натуралистические интерпретации генезиса семиотических средств культуры методологически редуктивны, поскольку сводят человеческую знаковость к усложнённой форме животной коммуникации и тем самым игнорируют качественное различие способов существования. Специфика человека определяется не анатомо-физиологическими характеристиками, а способом бытия, тогда как животное существует в режиме адаптации: его поведение преимущественно генетически запрограммировано и представляет собой реализацию видового кода, изменяющегося лишь в длительных эволюционных интервалах. Хотя животные используют сигнальные системы (предупреждающие, пищевые, брачные и др.), эти сигналы функционируют главным образом внутри вида и воспроизводятся механизмами наследственности; даже при высокой сложности поведения речь идёт не о символическом конструировании реальности, а о вариативной реализации врождённых программ.

По мере усложнения биологической организации возрастает пластичность поведения животных и расширяется спектр их когнитивных реакций; у высших приматов, особенно в условиях интенсивного контакта с человеком, действительно обнаруживается способность к усвоению отдельных элементов человеческих знаковых систем. Однако такие элементы не образуют у них автономной семиотической среды и не становятся основанием особого способа существования: в естественных условиях их поведение по-прежнему определяется преимущественно генетически заданными механизмами адаптации. Поэтому различие между животной сигнальностью и человеческой знаковостью носит качественный, а не количественный характер. Если первая встроена в биологическую программу выживания, то вторая возникает в контексте предметно-практической и социальной деятельности и служит механизмом

конституирования культурной реальности. Существенным является не столько вопрос о наличии у животных отдельных интеллектуальных или языкоподобных способностей, сколько вопрос о способе их бытия. Человек же представляет собой общественно-культурный тип существования: его ведущей формой бытия является предметная деятельность, предполагающая способность действовать с объектом в соответствии с его объективными качественными, количественными и сущностными характеристиками, выявляя и преобразуя их на основе познания.

Универсальность и рефлексивность предметной деятельности принципиально отличают человека от животного: если животное действует в пределах видовой «мерки», то человек способен соотносить свою практику с многообразием объективных форм бытия и выходить за границы собственной природной определённости. На это указывал К.Маркс, подчёркивая, что «животное строит только сообразно мерке и потребности того вида, к которому принадлежит, тогда как человек умеет производить по меркам любого вида...» [1, с. 94]. Данная способность не дана в готовом виде и не выводится непосредственно из биологической организации; она формируется исторически в процессе освоения всё новых предметных областей, когда человек овладевает не только частными свойствами вещей, но и их универсальными, сущностными характеристиками. Через предметную практику осуществляется переход от эмпирического взаимодействия с единичным к постижению закономерных связей, что позволяет не просто адаптироваться к среде, а преобразовывать её, создавая на основе природного материала качественно новую реальность - культуру. В этом смысле человек выступает не столько как биологический индивид, сколько как субъект, производящий и воспроизводящий мир культуры, то есть как исторически формирующееся культурное существо.

Как подчёркивал С. Л. Рубинштейн, «человек есть лишь в своём отношении к другому человеку: человек - это люди в их взаимоотношениях друг к другу» [2, с. 4]. Тем самым фиксируется принципиальная социальность человеческого бытия: субъект существует не изолированно, а в системе отношений, которые конституируют его как личность и как носителя культуры.

Своей предметной деятельностью человек не только преобразует природную среду и созидает мир культуры, но одновременно формирует и воспроизводит сеть общественных связей. В этом смысле деятельность выступает не как односторонняя активность по отношению к объекту, а как структурное единство преобразования и общения, как «тождество общения и активности...» [3, с. 217]. Коммуникативное измерение не внешне по отношению к деятельности, а имманентно ей.

Развивая идею целостности человеческого акта, М.М. Бахтин, существенно расширивший понятие поступка, выделял в его структуре три взаимосвязанных момента: «я-для-себя, другой-для-меня и я-для-другого...» [4, с. 49]. Данная триада фиксирует интересубъективную архитектуру человеческого действия, однако она преимущественно описывает сферу общения и не в полной мере охватывает предметно-преобразовательную активность, направленную на объектный

мир. Между тем именно в единстве предметности и интерсубъективности раскрывается специфика человеческой деятельности как основания культуры.

Из сказанного следует, что человек, общество и культура не образуют трёх самостоятельных сущностей, а выступают различными аспектами единого исторического процесса, центром которого является человек как субъект деятельности. Соответственно антропогенез, социогенез и культурогенез не могут рассматриваться как последовательно сменяющие друг друга этапы; речь идёт об одном и том же процессе становления человеческого способа бытия, анализируемом под разными теоретическими ракурсами. В рамках такой методологической установки генезис и эволюция семиотических средств культуры понимаются не как внешнее дополнение к уже сформировавшемуся обществу или сознанию, а как их внутренний, конститутивный момент - как компонент того целостного процесса, в котором одновременно складываются человек, общество, культура и их знаковая организация.

Генезис и эволюция семиотических средств культуры

На ранних этапах антропогенеза человеческие объединения внешне мало отличались от стадных форм: совместное обитание и поведение в значительной мере определялись биологическими механизмами регуляции. Однако с развитием предметной деятельности произошёл качественный перелом: усложнение орудийных действий, необходимость координации и накопления опыта привели к трансформации взаимодействий и постепенному вытеснению природно-биологических связей социокультурными отношениями, в результате чего стадо эволюционировало в общество. Возникшая социокультурная реальность стала подчиняться собственным закономерностям, а передача опыта перестала осуществляться исключительно через генетический код, потребовав особых средств его фиксации, сохранения и трансляции.

Генетический код продолжает функционировать на уровне биологической организации человека, однако он утрачивает статус ведущего регулятора поведения. Более того, в процессе антропогенеза человек «утрачивает поведенческие наследственные детерминанты, сковывающие отношение к миру заранее данным “алгоритмом” и навязывающие строго определённый способ взаимодействия с миром как средой» [3, с. 205–206]. Освобождение от жёсткой биологической программы открывает пространство исторической вариативности и культурной креативности.

Вместо биологической наследственности как доминирующего механизма воспроизводства вступает в действие иной тип кодирования - то, что М.К. Петров обозначил как «социокод». Речь идёт о системе социокультурных механизмов передачи опыта, норм и способов деятельности, выходящих за пределы индивидуальной биографии и обеспечивающих историческую преемственность коллективного бытия.

Тем самым формируется специфическая социокультурная наследственность, не ограниченная рамками биологической популяции. Она реализуется через

обучение, коммуникацию, символические формы и институциональные структуры. Именно в этой плоскости и возникает необходимость в семиотических средствах как в носителях и операторах «социокода», что позволяет рассматривать семиогенез как структурный компонент становления общества и культуры.

Согласно концепции М.К.Петрова, специфика социокультурной наследственности заключается в особом механизме кодирования и передачи опыта. Он подчёркивает: «Есть лишь один возможный претендент на роль социального гена, социальной наследственной сущности - знак в его способности фиксировать и неопределённо долго хранить значение. Знак и язык совечны обществу, но если язык в основном наборе функциональных нагрузок выступает как средство общения, то знак, как правило, оказывается носителем смысла и основанием его преемственного изменения, результатом, адресом и поводом общения. Если социальное наследование определено через внебиологическое кодирование наличной суммы обстоятельств и передачу программирующей информации средствами общения, то контакт поколений, уподобление последующего поколения предшествующему возможны лишь при опосредовании этого контакта знаком» [5, с. 29].

В данном тезисе фиксируется принципиально важное обстоятельство: историческая преемственность общества обеспечивается не биологическими механизмами, а знаковым опосредованием. Знак выполняет функцию своеобразного «социального гена», поскольку способен сохранять и передавать смысловые структуры вне рамок индивидуального существования. Через него осуществляется кумуляция и трансляция культурного опыта, что делает возможным историческое развитие как наращивание и переработку уже достигнутого.

Это положение может быть принято в качестве исходного, поскольку оно акцентирует семиотическую природу социокультурной наследственности. Однако вместе с тем оно нуждается в уточнении и корректировке. Во-первых, знак не может рассматриваться как автономная сущность, существующая вне предметной и коммуникативной деятельности; его способность фиксировать и хранить значение производна от включённости в практику. Во-вторых, сам процесс «внебиологического кодирования» не исчерпывается знаковой фиксацией, а предполагает институциональные формы, нормы и способы интерпретации, обеспечивающие функционирование знаков в исторически конкретной культуре.

Следовательно, знак действительно выступает необходимым условием социального наследования, но его роль следует понимать не изолированно, а в системе предметной деятельности и межсубъектного взаимодействия. Именно в этом контексте возможно более адекватное осмысление генезиса и эволюции семиотических средств культуры.

Становление человека как субъекта предметной деятельности и общественных отношений, как творца культуры, есть одновременно процесс формирования сознания и языка. Эти феномены столь же общественно-культурны по своей природе, как деятельность и общение, и, более того, выступают их имманентными атрибутами. Следовательно, их формирование представляет

собой единый исторический процесс, в рамках которого складываются основные структуры антропосоциокультурного бытия.

Сознание возникает как качественно новая форма регуляции поведения, надстраиваемая над животной психикой, преобразующая её и подчиняющая системе общественно выработанных значений. Если психика животного встроена в адаптивную модель взаимодействия со средой, то человеческое сознание формируется в пространстве предметной и коммуникативной практики и отражает действительность в понятийно-смысловых структурах.

Параллельно происходит трансформация сигнальной сферы: первоначальные звуковые реакции, характерные для животного мира, в ходе антропогенеза преобразуются в артикулированную, членораздельную речь. В речи и через речь формируется язык как особая знаковая система.

Лингвистика различает речь и язык как разные, хотя и взаимосвязанные аспекты речевой деятельности. Ф. де Соссюр писал: «По нашему мнению, понятие языка не совпадает с понятием речевой деятельности вообще; язык – только определённая часть – правда, важнейшая часть – речевой деятельности. Он является социальным продуктом, совокупностью необходимых условностей, принятых коллективом, чтобы обеспечить реализацию, функционирование способности к речевой деятельности, существующей у каждого носителя языка. Взятая в целом, речевая деятельность многообразна и разнородна; протекая одновременно в ряде областей, будучи одновременно физической, физиологической и психической, она, помимо того, относится и к сфере индивидуального и к сфере социального; её нельзя отнести определённо ни к одной категории явлений человеческой жизни, так как неизвестно, каким образом всему этому можно сообщить единство.

В противоположность этому язык представляет собою целостность сам по себе, являясь, таким образом, отправным началом (principe) классификации. Отводя ему первое место среди явлений речевой деятельности, мы тем самым вносим естественный порядок в эту совокупность, которая иначе не поддаётся классификации» [6, с. 47–48].

Более того, согласно Ф. де Соссюру, «естественной для человека является не речевая деятельность как говорение (langage parlé), а способность создавать язык, то есть систему дифференцированных знаков, соответствующих дифференцированным понятиям»; при этом именно «язык вносит единство в речевую деятельность» [6, с. 49]. Существенное значение для анализа имеет следующее положение Ф. де Соссюра: «Язык есть нечто вполне определённое в разнородном множестве фактов речевой деятельности. Его можно локализовать в определённом отрезке рассмотренного нами речевого акта, а именно там, где слуховой образ ассоциируется с понятием. Он представляет собой социальный аспект речевой деятельности, внешний по отношению к индивиду, который сам по себе не может ни создавать его, ни изменять. Язык существует только в силу своего рода договора, заключённого членами коллектива. Вместе с тем, чтобы знать его функционирование, индивид должен учиться; ребёнок овладевает им лишь мало-помалу. Язык до такой степени есть нечто вполне особое, что человек,

лишившийся дара речи, сохраняет язык, поскольку он понимает слышимые им языковые знаки» [6, с. 52–53].

В этом фрагменте концентрируются ключевые характеристики языка как социального феномена. Во-первых, язык локализуется в зоне ассоциации слухового образа и понятия, то есть в структуре знака как единства означающего и означаемого. Во-вторых, подчёркивается его надындивидуальный статус: язык существует вне и до отдельного субъекта, который не способен произвольно его создавать или изменять. Он усваивается в процессе социализации и функционирует как объективированная система коллективных условностей. В-третьих, язык обладает собственной целостностью и системной организацией, что позволяет рассматривать его как относительно автономный уровень анализа.

Употребляемое де Соссюром слово «договор» не следует понимать буквально, как если бы каждое слово или грамматическое правило специально обсуждалось и утверждалось коллективом носителей. Подобные случаи возможны лишь в ограниченной сфере, например при введении терминов. Основной же корпус языка формируется исторически и во многом стихийно, в результате длительного развития коммуникативной практики.

Тем не менее сама идея «договора» адекватно выражает принцип коллективного признания как условия существования языка. Язык возможен лишь в пространстве интересубъективности и выступает формой социокультурной организации опыта. Тем самым он оказывается не только средством общения, но и фундаментальным механизмом социального наследования, обеспечивающим сохранение и трансформацию культурных смыслов.

Одним из существенных достоинств концепции Ф. де Соссюра является то, что он рассматривал язык не как сугубо вербальный феномен, а как частный случай более общего класса знаковых систем. Определяя язык как систему знаков, выражающих понятия, он указывал на его сопоставимость с письменностью, жестовыми алфавитами, символическими обрядами, формами этикета, военными сигналами и иными способами условного выражения смысла, подчёркивая при этом, что язык - лишь наиболее значимая из подобных систем [6, с. 54]. Из этого вытекала идея о возможности общей науки о знаках - семиологии, призванной изучать закономерности функционирования различных знаковых образований в социальном пространстве; впоследствии данная программа получила развитие в рамках семиотики как самостоятельной дисциплины.

Дискуссия о статусе знака

На ранних этапах антропо- и социогенеза человеческие коллективы вели кочевой образ жизни и занимались присваивающим хозяйством; их мировоззрение реконструируется как антропо- и социоморфное: природные явления воспринимались по образцу человека и социума, как одушевлённые и наделённые разумом силы; по выражению А. Н. Афанасьева, «древний человек почти не знал неодушевлённых предметов; всюду находил он и разум, и чувство, и волю» [7, с. 220]. Космос мыслился как сверхчеловеческая общность, что

вело к разделению бытия на профанную и сакральную сферы; как подчёркивал М. Элиаде, «священное и мирское - это два образа бытия в мире...» [8, с. 19]. Соответственно складывались два типа практики: повседневная хозяйственная и сакральная, связанная с мифом и ритуалом, где мифологические сюжеты актуализировались в священнодействии. При этом даже мирская деятельность сопровождалась обращениями к духам и заклинаниями, что свидетельствует о глубокой символической интеграции обеих сфер при сохранении их принципиальной оппозиции.

В этом контексте можно утверждать, что уже на ранних стадиях первобытной культуры формируются и функционируют два типа семиотических средств: одни обслуживают профанную, повседневную сторону жизнедеятельности, другие - сакральную сферу, связанную с мифом и ритуалом. Однако прежде необходимо обратиться к феномену знака как обобщённой семиотической единицы, обеспечивающей саму возможность социокультурной преемственности. Как подчёркивал М. К. Петров, если знак действительно выполняет функцию социальной наследственной сущности и передача социальности вне знака столь же невозможна, как передача биологических признаков вне гена, то знак приобретает статус необходимого условия существования общества, сопоставимого с деятельностью: без деятельности общество гибнет как живое образование, а без знака оно утрачивает собственно социальное измерение, оставляя индивидов существовать по законам животного мира; следовательно, всё то в составе социальности, что не может быть передано средствами биокода, должно быть зафиксировано в знаке или, по крайней мере, пройти стадию знакового кодирования, поскольку никакая информация не может войти в каналы социальной наследственности, минуя знаковую форму [5, с. 29–30].

Позиция М. К.Петрова, предполагающая различие знака и языка, требует уточнения. Если в первой цитате знак трактуется как «социальный ген», а язык упоминается как средство общения, то возникает риск их концептуального разведения. Между тем язык сам по себе представляет собой знаковую систему - что последовательно подчёркивал Ф. де Соссюр. Следовательно, противопоставление языка знаку возможно лишь в аналитическом, но не в онтологическом смысле.

Знак по определению предполагает различие означающего и означаемого: он выступает как десигнат (сигнификат), соотносящийся с денотатом (референтом), однако не тождественный ему. Слово языка не есть сам предмет, на который оно указывает; предмет присутствует в слове не реально, а идеально (ideell), в форме значения. Именно это идеальное опосредование и составляет сущность знаковости.

Поэтому противопоставлять язык как знаковую систему иные виды знаков (жестовые, ритуальные, символические и т. д.) мировоззренчески и методологически некорректно. Язык является не альтернативой знаку, а его наиболее развитой и системно организованной формой. В рамках семиотического анализа язык должен рассматриваться как частный, хотя и центральный, случай более общего феномена знаковости, что позволяет избежать искусственного разведения уровней и сохранить целостность теоретической конструкции.

Во-вторых, в концепции М.К. Петрова, по-видимому, чрезмерно абсолютизируется статус знака как условия существования общества: утверждение о том, что без знака общество гибнет как общество, справедливо прежде всего в отношении языка как средства общения и идеального накопления и систематизации опыта, ибо утрата языковой коммуникации действительно означала бы деградацию социальных форм до уровня, близкого к стадному существованию; однако человеческий опыт, включая знания и навыки, передаётся не исключительно посредством языковых или иных знаковых систем, но прежде всего через опредмеченные формы культуры - орудия труда, предметы быта, продукты деятельности, в которых закреплены способы действия и структуры общественных отношений; именно через них обеспечивается первичная преемственность поколений; более того, сами предметы культуры выполняют коммуникативную функцию, выступая носителями социального смысла, что ещё в 1845 г. подчёркивал К. Маркс, указывая, что «предмет, как бытие для человека, как предметное бытие человека, есть в то же время наличное бытие человека для другого человека, его человеческое отношение к другому человеку, общественное отношение человека к человеку» [9, с.47]; следовательно, язык и иные знаковые комплексы, являясь важнейшими элементами культуры, не исчерпывают механизмов социального наследования и занимают в её структуре не первичное, а опосредованное, производное место по отношению к предметной деятельности.

Генезис неязыковых знаков

Рассматривая язык как «нулевую степень» знаковости, следует учитывать, что уже в первобытной культуре, наряду с ним, формировались неязыковые знаковые средства, обусловленные как профанной, так и сакральной практикой. В сфере хозяйственной деятельности, несмотря на кочевой образ жизни, существовала устойчивая пространственная организация (природные убежища, возврат к месту обитания), что требовало дополнительных средств ориентации и фиксации опыта. Память не могла служить единственным механизмом сохранения информации; как отмечал Т. Гоббс, человек использует «метки» для удержания мыслей и «знаки» для их передачи [10, с.82]. Насечки, сломанные ветви, камни и иные ориентиры первоначально выполняли мнемоническую функцию, но постепенно приобретали коммуникативный и конвенциональный характер. С развитием семиозиса возникали устойчивые знаки, расширялась их сфера, включая «приметы» как интерпретацию природных явлений; особое значение имело становление счёта, где палец, камешек или палочка выступали как знаковые заместители предметов, представляя их идеально, а не реально. Усложнение деятельности и общественных отношений, особенно при переходе к оседлости, вело к дифференциации знаковых систем, кульминацией чего стало возникновение письменности. Параллельно в сакральной сфере складывалась собственная символика: ритуал и культ, в которых человек архаической эпохи переживал высший смысл бытия [11, с. 16], породили символ как форму семиозиса, насыщенную ценностным содержанием (например, в культах

плодородия). В дальнейшем религия институционализовала сакральную символику, государственность - секулярную, а закрытые союзы - эзотерические знаковые комплексы. Тем самым семиозис, возникший вместе со становлением человека, непрерывно усложнялся и дифференцировался, сохраняя статус фундаментального механизма культурной эволюции.

Заключение

В проведённом анализе было показано, что генезис и эволюция семиотических средств культуры не могут быть поняты вне целостного процесса антропо-, социо- и культурогенеза. Становление человека как субъекта предметной деятельности и общественных отношений одновременно означало формирование сознания, языка и иных форм знакового опосредования. Тем самым семиогенез предстает не как вторичный или производный феномен, а как внутренний момент становления специфически человеческого способа бытия.

Было обосновано, что различие между животной сигнальностью и человеческой знаковостью носит качественный характер. Если первая укоренена в биологической программе адаптации, то вторая возникает в пространстве общественно организованной предметной деятельности и обеспечивает внебиологическую форму наследования - социокультурную преемственность. Знак, язык, символ и иные семиотические образования выступают средствами фиксации, хранения и трансляции опыта, однако их функционирование неотделимо от опредмеченных форм деятельности и институциональных структур культуры.

Рассмотрение первобытной культуры позволило выявить раннюю дифференциацию семиотических средств по линии профанного и сакрального, а также показать, что уже на этих этапах формируются как утилитарные знаковые комплексы (ориентация, счёт, координация действий), так и символические формы, насыщенные ценностно-сакральным содержанием. В дальнейшем, с развитием религии, государства, письменности и сложных социальных институтов, система знаковых средств культуры становится всё более разветвлённой и специализированной.

Таким образом, семиозис, возникший вместе с человеком и его предметной деятельностью, представляет собой исторически развивающийся механизм конституирования культурной реальности. Эволюция знаковых средств есть не периферийный процесс, а одно из центральных измерений человеческой истории, в котором раскрывается специфика человека как культурного и общественного существа.

Список литературы

- 1 Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 42. М.: Политиздат, 1974. С. 41 – 174.
- 2 Рубинштейн С. Л. Человек и мир. М.: «Наука», 1997. – 190 с.
- 3 Батищев Г. С. Деятельностная сущность человека как философский принцип // Батищев Г. С. Избранные произведения. Алматы: ИФПР КН МОН РК, 2015. С. 41 – 174.

- 4 Бахтин М. М. <К философии поступка> //Бахтин М. М. Собрание сочинений. В 7-ми т. Т. 1. М.: Изд-во Русские словари, Языки славянской культуры, 2003. С. 7 – 68.
- 5 Петров М. К. Язык, знак, культура. М.: «Наука», 1991. – 328 с.
- 6 Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики //Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М., 1977. С. 31 – 273.
- 7 Афанасьев А. Н. Древо жизни и лесные духи //Афанасьев А. Н. Древо жизни. Избранные статьи. М.: Современник, 1982. С. 214 – 227. «В шуме лесов, в шелесте листьев ему слышались те загадочные разговоры, которые ведут между собою деревья; в треске сломленной ветки, в скрипе расколотого дерева он узнавал болезненные стоны, в увядании – иссушающее горе и так далее» (7, с. 220 – 221).
- 8 Элиаде М. Священное и мирское. М., 1994. С. 19.
- 9 Маркс К., Энгельс Ф. Святое семейство, или Критика критической критики. Против Бруно Бауэра и компании //Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. т. 2. М.: Политиздат, 1955. С. 7 – 68.
- 10 См.: Гоббс Т. Основы философии. Часть первая. О теле //Гоббс Т. Сочинения. В 2-х т. Т. 1. М.: «Мысль», 1989. С. 66 – 218.
- 11 Топоров В. Н. О ритуале. Введение в проблематику //Архаический ритуал в фольклорных и раннелитературных памятниках. М.: Наука, 1988. С. 7 – 60.

List of references

- 1 Marks K. Ekonomicheskio-filosofskie rukopisi 1844 goda [Economic and Philosophical Manuscripts of 1844] // Marks K., Engel's F. Sochineniya. Izd. 2-e. T. 42. M.: Politizdat, 1974. S. 41 – 174.
- 2 Rubinshtejn S. L. Chelovek i mir [Man and the world] M.: «Nauka», 1997. – 190 s.
- 3 Batishchev G. S. Deyatel'nostnaya sushchnost' cheloveka kak filosofskij princip [The active essence of man as a philosophical principle] //Batishchev G. S. Izbrannye proizvedeniya. Almaty: IFPR KN MON RK, 2015. S. 41 – 174.
- 4 Bahtin M. M. <K filosofii postupka> [<Towards the philosophy of action>] //Bahtin M. M. Sbranie sochinenij. V 7-mi t. T. 1. M.: Izd-vo Russkie slovari, Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2003. S. 7 – 68.
- 5 Petrov M. K. Yazyk, znak, kul'tura [Language, sign, culture] M.: «Nauka», 1991. – 328 s.
- 6 Sossyur F. de. Kurs obshchej lingvistiki [General Linguistics Course] //Sossyur F. de. Trudy po yazykoznaniiyu. M., 1977. S. 31 – 273.
- 7 Afanas'ev A. N. Drevo zhizni i lesnye duhi [The Tree of Life and the Forest Spirits] //Afanas'ev A. N. Drevo zhizni. Izbrannye stat'i. M.: Sovremennik, 1982. S. 214 – 227. «V shume lesov, v sheleste list'ev emu slyshalis' te zagadochnye razgovory, kotorye vedut mezhdu soboyu derev'ya; v treske slomlennoj vetki, v skripe raskolotogo dereva on uznavaul bolezennyye stony, v uvyadanii – issushayushchee gore i tak dalee» (7, s. 220 – 221).
- 8 Eliade M. Svyashchennoe i mirskoe [Sacred and profane]. M., 1994. S. 19.
- 9 Marks K., Engel's F. Svyatoe semejstvo, ili Kritika kriticheskoj kritiki. Protiv Bruno Bauera i kompanii [The Holy Family, or Criticism of Critical Criticism. Against Bruno Bauer and Company] //Marks K., Engel's F. Sochineniya. Izd. 2-e. t. 2. M.: Politizdat, 1955. S. 7 – 68.
- 10 См.: Gobbs T. Osnov filosofii. Chast' pervaya. O tele [Fundamentals of Philosophy. Part One. About the Body] //Gobbs T. Sochineniya. V 2-h t. T. 1. M.: «Mysl'», 1989. S. 66 – 218.
- 11 Toporov V. N. O rituale. vvedenie v problematiku [About the ritual. Introduction to the issue] //Arhaicheskij ritual v fol'klornyh i ranneliteraturnyh pamyatnikah. M.: Nauka, 1988. S. 7 – 60.

Вклад авторов. Мулдашева Г.Б., Тлеуханов Н.С., Катчекова Ш.Е., Пак Ю.В., внесли равнозначный вклад в разработку концепции исследования, проведение анализа, подготовку текста статьи и ее оформление для публикации.

Мулдашева Г.Б., Тлеуханов Н.С., Катчекова Ш.Е., Пак Ю.В.

Семисфера антропо - элеуметтік - мәдени генезис көрсеткіші ретінде: философиялық талдау

Аңдатпа. Мақалада мәдениеттің ерекше өлшемін - семисфераны - құрайтын семиотикалық құралдардың генезисі мен эволюциясы қарастырылады. Мәдениеттің таңбалық құралдары жүйесінің пайда болуы адамның арғы тектен шынайы адамдық, яғни іс-әрекеттік болмыс тәсіліне көшуінің нәтижесінде мүмкін болғаны көрсетіледі; дәл осы көшу мәдениет пен элеуметтік қатынастардың қалыптасуына алып келді. Көшпелі өмір салты жағдайында таңбалық әрекет айтарлықтай шектеулі болғаны, ал оның қарқынды дамуы мен жетілуі отырықшы өмір салтына өтумен байланысты екені атап өтіледі. Заттық іс-әрекет пен қоғамдық қатынастардың дамуы мен күрделенуі барысында тек сана ғана емес, тіл және өзге де семиотикалық құралдар да дамып, жетілетіні дәлелденеді. Мақалада сана мен тіл іс-әрекеттен туындайтын элеуметтік-мәдени феномендер ретінде түсіндіріледі. Осылайша, іс-әрекет, қарым-қатынас және мәдениеттің таңбалық құралдарының дамуы өз алдына дербес үдерістер ретінде емес, антропо-элеуметтік-мәдени генезистің біртұтас үдерісінің қырлары мен аспектілері ретінде қарастырылады.

Түйін сөздер: адам, жануар, мәдениет, белсенділік, белгі, тіл, сана, семиоз.

Muldasheva G., Tleukhanov N., Katchekova Sh.E., Pak Y.V.

The Semiosphere as an indicator of Anthroppo-Socio-Culturogenesis: a philosophical analysis

Abstract. The article traces the process of genesis and evolution of semiotic means of culture in their totality forming a special dimension of culture – semiosphere. It is shown that the emergence of the system of sign means of culture became possible due to the transition of pre-human to the actual human, namely the activity-based way of being, which led to the formation of culture and sociality. It is noted that under the conditions of a nomadic way of life, sign activity was very limited and began to rapidly develop and improve only with the transition to a sedentary way of life. It is shown that as the development and improvement of objective activity and social relations develops, not only consciousness, but also language and other semiotic means develops and improves. Consciousness and language themselves are understood in the article as socio-cultural phenomena generated by activity. Thus, the development of activity, communication and sign means of culture are interpreted not as independent processes, but only as sides, aspects of a single process of anthroppo-socio-cultural genesis. Key words: man, animal, culture, activity, sign, language, consciousness, semiosis.

Keywords: man, animal, culture, activity, sign, language, consciousness, semiosis.

Поступила: 27.11.2025

Принята: 14.02.2026